

МАРИЯ ТОКАРЕВА

ОДИН НА ОДИН БЕССОННИЦА

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т51

Токарева М.

Т51 Один на один. Бессонница / М. Токарева — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 382 с.: илл.

ISBN 978-5-521-92470-7

Он — новообращенный вампир, который боится своей силы и не знает, как приспособиться к жизни, где каждый шаг рискует стать последним из-за пристального внимания охотников. Она — девочка, которая видит страшные сны и боится странных гостей своего отца. И то, что мучает их, способно нарушить баланс самого мироздания. В вечном городе тайн главное — не потерять себя. И найти друг друга.

BIC FM
BISAC YAF019000

© Мария Токарева, текст, 2023
© НАИМЕ, обложка, 2023
© Елена Попова, Алина Волошина,
Лена Дурасова, Ольга Есина,
Ксения Никитина, Алина Саидова,
иллюстрации, 2023
© Варя Воронина, Мария Токарева,
шрифты, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-92470-7

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1. ПОБЕГ

Москва, 2009 год

«Они близко, ты должен бежать. С уважением, анонимный доброжелатель», — светилось в окне электронной почты. Евгений неподвижно смотрел на монитор. И оцепенение застывало в ледяных руках прикосновением смерти.

Он уже два месяца не улыбался — опасался, что случайно блеснут клыки. Да и поводов для веселья не находилось: более подавленного состояния он еще никогда не испытывал.

Недавно ему минуло шестнадцать лет. Раньше Евгения пугало обычное будущее человека — поступление в институт, работа, старость... Ныне главным страхом, сцепившим сердце и всецело завладевшим разумом, стали охотники. Еще полгода назад он не догадывался о смерче, закрутившем судьбы горстки безумных храбрецов и существ, которые отличались от людей. Существ, что считались проклятыми за клыки или звериную силу, более того — подлежащими уничтожению. Раньше ему не приходилось выбирать сторону. Да и оставили ли ему выбор?

Он пугающе изменился: красные глаза, сизо-белая кожа и поседевшие волосы слишком отличались от прежнего образа черноволосого загорелого подростка. Мог ли он и дальше маскироваться под человека? Вряд ли, о чем и кричало уже сотое письмо от этого «анонимного доброжелателя», нашедшего его вскоре после... инцидента.

Поздняя февральская прогулка обернулась катастрофой. Кто напал? Как? Евгений помнил смутно и далеко не сразу поверил, что злая судьба свела с вампиром, существом из сказок, готических романов и игр. С того вечера он ни на минуту не мог забыть о своей печальной участи, о своем роке. И не представлял, что делать дальше.

Когда Евгений очнулся в холодной луже у сугроба, то поразился, почему мир вокруг видится в ярко-алых тонах. И почему все тело пронзает необъяснимая боль. Она не прибывала к земле, а заставляла идти дальше, шататься по улицам, ползти домой.

— Кто я? Кто? — бормотал он, бредя по темным дворам и поминутно хватаясь за шею. Небольшие ранки затянулись, остался только сумбурный ужас полустершейся памяти о случившемся.

Потом он метался в бреду два дня. Родители списывали на простуду. Потом... начались изменения, которые он, повинаясь некому первобытному ужасу, скрыл: купил на карманные деньги линзы и краску для волос. Сказал, что теперь принадлежит к субкультуре готов. Клыки же удлинялись медленно и болезненно, точно у него резались новые коренные зубы. И с тех пор он больше не улыбался.

Дома на его причуды уже давно махнули рукой. И порой хотелось закричать матери и отчиму: «Да вот он я, вот! Вы не видите?» Наверное, ради этого он и примыкал то к одной, то к другой субкультуре, писал стихи; чуть раньше, лет в двенадцать, скакал по крышам гаражей — искал любой способ достучаться. И только больше отстранялся. Теперь уже намеренно, боясь навлечь беду на их дом.

«Беги, они близко. Близко», — твердили письма от «анонимного доброжелателя». Евгений не хотел воспринимать всерьез этот навязчивый спам. Но сам временами чувствовал, как возле дома проносятся смутные тени, чувствовал уже не как человек, а иным непонятным инстинктом. Они искали монстра, пока не догадываясь, что в квартире на первом этаже долгими ночами лежит без сна скованный страхом мальчишка. Вампир.

Уже два месяца Евгений обливался холодным потом, когда раздавался звонок в дверь или сигнал домофона. Учащавшиеся с каждым днем расспросы родителей тоже все больше тревожили. Похоже, они постепенно догадывались, что он не носит линзы и не красит волосы. Или просто хотели узнать, что с ним происходит.

«Сложный период взросления», — так говорили о подобных поступках его сверстников. Чтобы скрыть клеймо зверя, он часами сидел в своей комнате, прогуливая школу, задвигая дверь диваном. Торчал в пустом утрюмом помещении, напоминавшем безликий гостиничный номер.

Пару лет назад он решил, что уютная спальня с моделями кораблей и фигурками динозавров на полках слишком отдает детством. За что он ненавидел эту пору? Не сказал бы точно. Как будто завидовал сам себе за беззаботность и наивность.

А может, за то, что в этом далеком и неуловимом времени, в детстве, их с матерью бросил отец. И через два года пришлось звать незнакомого дядю папой. Он был противным и остался в памяти пятилетнего Евгения силуэтом, который заносит руку, а потом ударяет маму по лицу.

— Тупая курица! Тупая! — орал он.

— Ты не работаешь! И еще обвиняешь меня? — визжала мать.

— Да где сейчас работать, а?! Тупица! Давай деньги, тварь!

Он бил маму! А Евгений отчаянно плакал в своей комнате в окружении игрушечных динозавров, равнодушно скалящихся пластиковыми клыками. Он не до конца понимал, что происходит, мама до сих пор не рассказала, с кем и почему тогда связалась. Почему этот «гадкий дядя» не работал и бил. Расспрашивать не хотелось. Страшно было узнать что-нибудь похуже того, что схватило зыбкое детское восприятие.

Вскоре после скандала этого «недопапу» выгнали. А еще через год появился незнакомый дядя в квадратных очках, которого снова велели звать «папой». Вежливый и черствый, он никого не бил, даже наоборот — дарил игрушки и возил на море каждое лето. Как по часам, как по расписанию. Но «папой» Евгений уже никого называть не хотел, как и пускать в душу. Лет с семи он привык жить без особой теплоты, словно тогда какой-то вампир незримо укусил его сердце, и оно покрылось коркой льда.

Может, и к лучшему, потому что мысль о побеге все чаще посещала отяжелевшую от дум голову, с каждым новым письмом формировалась все отчетливее. Выражение «мой дом — моя крепость» больше не имело смысла: охотники не гнушались вламываться без стука, словно грабители. В погоне за очередной жертвой они часто вскрывали замки, по крайней мере, так значилось в одном из писем «доброжелателя», и у Евгения были все основания поверить.

Похоже, работали они всеми методами, которые считали эффективными в борьбе с зубастыми тварями. Евгений и сам горячо желал, чтобы они добрались до монстра, который его обратил. Но ощущал, что первым сгинет именно он. Как более легкая мишень.

Он сидел, невидящим взглядом уставившись на плотно задернутые зеленые шторы, и вертел в руках стакан с цветными линзами; в нечетком отражении увидел свои глаза и нервно вздохнул, в сотый раз ужаснувшись.

Он еще дышал и не знал, не ждет ли его окончательное превращение в живой труп, как писали в книгах. Недавно случилось прочитать «Участь Салема», где говорилось, будто вампирам доступен только голод. Любовь, страх и сострадание покидали их. Ждало ли это новообращенного в скором времени? Голод он уже ощущал, боясь признаться в этом самому себе. Тягучий, нечеловеческий, голод туманил разум. А сострадание... Он ни к кому не привязывался с той самой поры, когда сидел на полу в окружении пластмассовых динозавров.

— Женья, по пивасу? — предлагали те, кто назывался друзьями. И он соглашался, бессмысленно тусуясь за школьной оградой.

— Женья, пошли на дискотеку? — приглашали его девушки в последний год. И он не в такт дергался с очередной развязной подружкой под оглушающую музыку.

Нет, ради этих людей он бы точно не остался, не изменил решения. Его ничего не держало. Разве что родные... Но он столько от них скрывал, что устал, приходя домой безмолвной тенью, прятаться в свой бункер, пустую холодную комнату. Чтобы никому не мешать, чтобы не